

«ОГНЕМ И МЕЧОМ»

О военной организации славян
Восприятие войны в домонгольской Руси
Статус воина в Центральной Азии
О прототипе «восьмизнаменной армии» маньчжуров
Культура повседневности древнерусских дружинников
Военно-морское дело руси
Об «аланском» и «тюркском» конском уборе
Что писали на саблях енисейские кыргызы?
Черкесские воины на границе Улуса Джучи

Ответственный редактор — Роман А. Рабинович

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. Nr. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

“Ferro et igni”

Military organization of the Slavs
Perceptions about war in pre-Mongol Russia
Warrior's status in Central Asia
Prototype of the Manchurian Eight Banner Army
Everyday culture of the Early Russian retinue
Naval school of the Early Russia
On the 'Alan' and 'Turkic' horse harness
What did the Kyrgyz from the Yenisei area write on their sabers?
Circassian warriors at the boundary of Jochi's Ulus

Editor-in-Charge — Roman A. Rabinovich

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2019

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

„Prin foc și spadă”

Despre organizarea militară a slavilor
Percepția războiului în Rusia premongolă
Statutul oșteanului în Asia Centrală
Despre prototipul „armatei cu opt steaguri” a manciurilor
Cultura cotidianului a drujinicilor ruși străvechi
Arta militaro-maritimă a rusilor
Cu privire la echipamentul de cal „alanic” și „turanic”
Ce scriau pe săbii cyrgyzii de Enisei?
Oștenii cerchezi la hotarul Ulusului Juchi

Redactor responsabil — Roman A. Rabinovich

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ОПОЛЧЕНЦЕВ К ПРОФЕССИОНАЛАМ

- М. М. Казанский (Париж, Франция). О военной организации славян в V—VII веках: вожди, профессиональные воины и археологические данные 15
- В. И. Кулаков (Москва, Россия). Тактика и приёмы боя пруссов 29

ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

- А. А. Роменский (Севастополь, Крым). «Хочю на вы ити»: воинский этос и ритуально-символическое восприятие войны в домонгольской Руси 39
- Н. Н. Серегин (Барнаул, Россия). Статус воина в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии: опыт интерпретации археологических материалов 53
- О. В. Дьякова (Владивосток, Россия). Военно-административная система чжурчжэньской империи Цзинь и государства Дун Ся как прототип «восьмизнаменной армии» маньчжуров (по письменным и археологическим источникам) 69

РУСЬ РАТНАЯ

- К. А. Михайлов, А. А. Пескова (Санкт-Петербург, Россия). «Витязь у ворот», или реконструкция воинского комплекса из раскопок Большого Шепетовского городища. 77
- Е. А. Шинаков (Брянск, Россия), В. В. Миненко (Москва, Россия). Дружинное снаряжение и предметы быта («культуры повседневности») древнерусского Вщижа 93
- В. Ю. Соболев (Санкт-Петербург, Россия). Копьё и топор. Оружие в средневековых погребениях запада Новгородской земли 113
- А. С. Щавелев (Москва, Россия). «Корабли» и военно-морское дело народа русь IX — середины X в. (по основным синхронным письменным источникам). . 123

«ВСЁ ВОЗЬМУ», — СКАЗАЛ БУЛАТ»

- И. Р. Ахмедов (Санкт-Петербург, Россия). «Тюркский» след в Поочье? Меч с кольцевым навершием из Шокшинского могильника 133
- Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов (Казань, Россия). Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища. 167
- А. В. Мастыкова (Москва, Россия), Э. И. Сейдалиев (Симферополь, Крым). Предметы средневекового вооружения из раскопок поселения и могильника Су-Баш-1 в Восточном Крыму 179

ЭСТЕТИКА ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

- В. С. Аксёнов (Харьков, Украина). Элитный конский убор у населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: разнообразие в единстве 193
- А. В. Комар (Киев, Украина), Т. И. Шелеметьева (Запорожье, Украина). Печенежский набор украшений узды из находки у с. Балки. 209
- С. С. Рябцева (†). Шлем или шапка? О находках серебряных конусовидных наверший головных уборов в археологических памятниках X—XIV вв. . . 225
- О. А. Митько (Новосибирск, Россия). Надписи на средневековых палахах и саблях енисейских кыргызов. 233

АНТРОПОЛОГИЯ ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА

- В. И. Баранов** (Киев, Украина), **Д. Д. Ёлшин** (Санкт-Петербург, Россия). Стена княжеского двора в Киеве и вопрос об истоках древнерусской сырцово-фортификации X в. 243
- И. В. Антипов** (Санкт-Петербург, Россия). Каменные оборонительные сооружения Древней Руси второй половины XIII — середины XIV в.: основные итоги и проблемы изучения 267
- И. В. Стасюк** (Санкт-Петербург, Россия). Средневековые городища Водской земли 283
- П. Е. Сорокин** (Санкт-Петербург, Россия). Устройство и происхождение крепости Ландскрона на Неве 303

ОБРЕТАЯ НОВУЮ РОДИНУ

- М. В. Квитницкий** (Тирасполь, Молдова), **Н. П. Тельнов** (Кишинёв, Молдова), **С. Д. Лысенко** (Киев, Украина), **С. Н. Разумов**, **В. С. Синика** (Тирасполь, Молдова). Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра 317
- М. М. Фокеев** (Одесса, Украина), **М. В. Квитницкий** (Тирасполь, Молдова), **Н. П. Тельнов** (Кишинёв, Молдова), **С. Д. Лысенко** (Киев, Украина), **С. Н. Разумов**, **В. С. Синика** (Тирасполь, Молдова). Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров 333
- О. Б. Бубенок** (Киев, Украина). Черкесские воины на границе Улуса Джучи в Среднем Поднепровье 343

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- О. В. Орфинская**, **Е. Г. Толмачева** (Москва, Россия). Война технологий, адаптация или заимствования в текстильной традиции? К вопросу о последствиях сасанидского завоевания Египта 357
- А. А. Романчук** (Кишинёв, Молдова). «Бездонные» гробы волохов и решетчатые гробовища Великой Степи: к вопросу происхождения волохов 375

РЕЦЕНЗИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ

- Е. Р. Михайлова** (Санкт-Петербург, Россия). Древнерусские города в эпоху викингов. Новые книги о давней проблеме 383
- Л. С. Клейн** (Санкт-Петербург, Россия). Путешествия во времени и археология радикального конструктивизма (Petersson B. and Holtorf C. (eds.). 2017. Archaeology of time travel. Experiencing the past in the 21st century. Oxford: Archaeopress. VIII + 318 p. Illustr. colour and black-and-white. ISBN 978-1-78491-501-8) 395
- Р. А. Рабинович** (Кишинёв, Молдова). «Над схваткой». Презентация книги: Stamati Iu. 2019. The Slavic Dossier. Medieval Archaeology in the Soviet Republic of Moldova: Between State Propaganda and Scholarly Endeavor. Serie East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450, volume 53. Leiden; Boston: Brill 401

AD MEMORIAM

- Н. П. Тельнов** (Кишинёв, Молдова). К 90-летию со дня рождения Исаака Александровича Рафаловича 409
- Список сокращений 415
- Авторам *Stratum plus* 419

CONTENTS

FROM MILITIA TO PROFESSIONAL ARMY

- M.M. Kazanski (*Paris, France*). On the Military Organization of the Slavs in the 5th—7th Centuries: Leaders, Professional Warriors and Archaeological Data 15
- V.I. Kulakov (*Moscow, Russian Federation*). Tactics and Techniques of Prussian Combat . 29

WAR AND SOCIETY

- A.A. Romensky (*Sevastopol, Crimea*). “I am coming after you”: Military Ethos and Ritual and Symbolic Perception of Warfare in Pre-Mongol Russia. 39
- N.N. Seregin (*Barnaul, Russian Federation*). Warrior Status in the Early Medieval Turkic Society from Central Asia: an experience of interpretation of archaeological materials. 53
- O.V. Dyakova (*Vladivostok, Russian Federation*). The Military-Administrative System of the Jurchen State and Dong Xia as a Prototype of the “Eight-Banner Army” of the Manchus (according to written and archaeological sources) 69

THE MARTIAL RUSSIA

- K.A. Mikhailov, A.A. Peskova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). “Knight at the Gate” or Reconstruction of a Military Complex from the Excavations of the Great Shepetovka Settlement 77
- E.A. Shinakov (*Bryansk, Russian Federation*), V.V. Minenko (*Moscow, Russian Federation*). Retinue’s Equipment and Household Items (“Everyday Culture”) in Old Russian Vshchizh 93
- V.Yu. Sobolev (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Lance and Axe: Weapons in Medieval Burials in the Western Part of the Novgorod Land 113
- A.S. Shchavelev (*Moscow, Russian Federation*). Vessels and Marine Activities of the Rus’ People in the 9th — Middle 10th Centuries (by the main contemporary written accounts) 123

— TOUT BEAU, DIT LE FER, JE T’ARRÊTE;
TOUT EST À MOI, CAR JE LE PRENDS

- I.R. Akhmedov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). The “Turkic” Reflection in the Oka River Region? The Sword with Ring-pommel from the Shoksha Burial Ground 133
- L.F. Nedashkovsky, M.B. Shigapov (*Kazan, Russian Federation*). Arms and Horse Harness from Bagaevka Settlement 167
- A.V. Mastykova (*Moscow, Russian Federation*), E.I. Seydaliev (*Simferopol, Crimea*). Medieval Weapons from the Excavations of the Settlement and the Burial Ground of Su-Bash-1 in Eastern Crimea 179

AESTHETICS OF MILITARY CULTURE

- V.S. Aksonov (*Kharkiv, Ukraine*). Elite Horse Attire of the Forest Steppe Variant of the Saltov-Mayaki Population: Diversity in Unity 193
- O.V. Komar (*Kiev, Ukraine*), T.I. Shelemetieva (*Zaporizhzhya, Ukraine*). A Set of the Pecheneg Harness Ornaments from the Find in Vicinity of Balky Village 209
- S.S. Ryabtseva (†). Helmet or Hat? On the Finds of Silver Cone-Shaped Tops of Headdresses in Archaeological Sites of the 10th—14th Centuries 225
- O.A. Mitko (*Novosibirsk, Russian Federation*). Inscriptions on Medieval Broadwords and Sabers of the Yenisei Kyrgyz. 233

ANTHROPOLOGY OF MILITARY ARCHITECTURE

- V.I. Baranov** (*Kiev, Ukraine*), **D.D. Jolshin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*).
The Wall of the Princely Residence in Kiev and the Question of the Origin
of the Mud-Brick Fortification in 10th Century Kievan Rus' 243
- I.V. Antipov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Stone Defensive Structures of the
Old Rus' (Second Half of the 13th — Mid 14th Centuries): the Main Results
and Problems of Studies. 267
- I.V. Stasyuk** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Watland's Medieval Hillforts. . . . 283
- P.E. Sorokin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). The Structure and Origin of the
Landskrona Fortress on the Neva 303

A NEW HOMELAND GAINED

- M.V. Kvitnytskyi** (*Tiraspol, Moldova*), **N.P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*), **S.D. Lysenko**
(*Kiev, Ukraine*), **S.N. Razumov**, **V.S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*). Ancient
Hungarian Grave of a Warrior on the Left Bank of the Lower Dniester 317
- M.M. Fokeev** (*Odessa, Ukraine*), **M.V. Kvitnytskyi** (*Tiraspol, Moldova*), **N.P. Telnov**
(*Kishinev, Moldova*), **S.D. Lysenko** (*Kiev, Ukraine*), **S.N. Razumov**, **V.S. Sinika**
(*Tiraspol, Moldova*). Nomadic Grave on the Left Bank of the Lower Danube
in the Context of Studying the Culture of the Ancient Hungarians 333
- O.B. Bubenok** (*Kiev, Ukraine*). The Circassian Warriors on the Border of Juchi Ulus
in the Middle Dnieper Basin 343

RESEARCH AND PUBLICATIONS

- O.V. Orfinskaya**, **E.G. Tolmacheva** (*Moscow, Russian Federation*). A War of Technology,
Adaptation or Adoption in a Textile Tradition? To the Question of the
Consequences of the Sassanid Conquest of Egypt. 357
- A.A. Romanchuk** (*Kishinev, Moldova*). "Coffins without Bottom" of the Vlachs and
Lattice Coffins of the Great Eurasian Steppe: to the Issue of the Vlachs' Origin . . 375

REVIEWS AND PRESENTATIONS

- E.R. Mikhaylova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Old Russian Cities
in the Viking Age. New Books on a Long-standing Problem 383
- L.S. Klejn** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Time Travel and Archaeology of
Radical Constructivism (Petersson B. and Holtorf C. (eds.). 2017. Archaeology
of time travel. Experiencing the past in the 21st century. Oxford: Archaeopress.
VIII + 318 p. Illustr. colour and black-and-white. ISBN 978-1-78491-501-8) . . . 395
- R.A. Rabinovich** (*Kishinev, Moldova*). *Above the Battle*. Book presentation:
Stamati Iu. 2019. The Slavic Dossier. Medieval Archaeology in the Soviet
Republic of Moldova: Between State Propaganda and Scholarly Endeavor. Serie
East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450, volume 53.
Leiden; Boston: Brill 401

AD MEMORIAM

- N.P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*). On the 90th Birthday Anniversary
of Isaac A. Rafalovich 409
- List of Abbreviations 415
- Submissions 419

Р. А. Рабинович

**«Над схваткой». Презентация книги:
Stamati Iu. 2019. The Slavic Dossier. Medieval Archaeology
in the Soviet Republic of Moldova: Between State
Propaganda and Scholarly Endeavor. Serie East Central and
Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450, volume 53.
Leiden; Boston: Brill**

Наука о древностях Республики Молдова вообще сравнительно молода, средневековая же молдавская археология даже на ее фоне выглядит совсем юной. Целенаправленных систематических археологических раскопок вплоть до конца 40-х гг. XX в. на территории Пруто-Днестровского междуречья фактически не проводилось. После окончания Великой Отечественной войны в Советскую Молдавию стали направляться из научных центров Москвы и Киева первые профессиональные археологи.

Особая роль среди прибывших в республику ученых принадлежала московскому исследователю Г.Б. Федорову. Он организовал работу совместной Пруто-Днестровской (названия ее менялись) экспедиции московского Института истории материальной культуры АН СССР и Молдавского филиала АН СССР, которая вела раскопки средневековых памятников более 20 лет.

Г.Б. Федоров системно занялся подготовкой местных научных кадров, для чего отбирал молодых людей еще со студенческой скамьи. Так, на базе работ этой экспедиции зародилась и сформировалась средневековая археологическая наука в Молдове. Ученики Г.Б. Федорова — П.П. Бырня, И.Г. Хынку, И.А. Рафалович, Л.Л. Полевой, Г.Ф. Чеботаренко, со временем возглавили отряды Пруто-Днестровской экспедиции и разные тематические направления средневековой ар-

хеологической и исторической проблематики (Рабинович 2017)¹.

С начала 1970-х гг. деятельность возглавляемой Г.Б. Федоровым Пруто-Днестровской экспедиции прекратилась по причинам, далеким от науки. Сочувствующий и активно помогавший диссидентскому движению в СССР Г.Б. Федоров был уволен из Института археологии в Москве, была остановлена многолетняя деятельность возглавляемой им Пруто-Днестровской экспедиции в Молдавии, публиковать научные труды ему негласно запрещалось — за исключением работ в соавторстве (Ткачук 1999: 9—11).

Опального в Москве Г.Б. Федорова фактически выдавили и из Молдавии. И, не давая сейчас моральных оценок, отметим, что этому способствовали и некоторые его местные ученики.

Устранение Г.Б. Федорова уже не могло остановить процесс развития археологической медиэвистики в Молдавии, она успешно развивалась и далее, дело продолжили защи-

¹ Как справедливо заметил М.Е. Ткачук, «все нынешние археологи в теперешней Молдове являются “дальними” или “близкими” потомками федоровской экспедиции 1950 года. Многие из них это рьяно отрицают, другие признают с удовольствием. Все зависит только от того, как они относятся к Федорову, а не к фактам собственной профессиональной биографии» (Ткачук 1999: 10).

тившиеся и ставшие квалифицированными специалистами ученики Г.Б. Федорова, сами, в свою очередь, начавшие воспитывать новые поколения исследователей. В Молдавию стали переезжать на постоянную работу уже состоявшиеся исследователи и из других центров. Постепенно увеличивалось количество новых научных археологических центров и росло число новых исследователей.

Вместе с количественным и качественным ростом средневековых исследований в местной историографии наметились, а затем и отчетливо выделились тенденции формирования определенной парадигмы в плане этнокультурных и этнических интерпретаций. Эта парадигма неизменно проявлялась в интерпретации всех публикуемых археологических источников и по сложившейся в этой же историографии традиции позиционировалась как противостояние так называемых «миграционизма» и «континуитета». Если быть более точным, то всеми понималось, что «славянскому миграционизму» противостоял «восточнороманский континуитет» (теория автохтонизма) *традиционного местного населения*. Инициатором возникновения автохтонного направления в 1960—1970-х годах стал один из учеников Г.Б. Федорова — И.Г. Хынку. На стороне миграционизма оказались сам Г.Б. Федоров и большинство его учеников — П.П. Бырня, Г.Ф. Чеботаренко, И.А. Рафалович, Л.Л. Полевой. С 1979 года в активную научную деятельность на стороне этого направления включился и Н.П. Тельнов.

Позднее, уже в период начала активизации молдавского национального движения во второй половине 1980-х годов у И.Г. Хынку появились многочисленные последователи — Г.И. Постикэ, И.С. Тентюк и др. Их научная деятельность при абсолютной поддержке национальной государственно-идеологической программы новообразованной независимой страны ознаменовала наступление уже в 90-е годы этапа практически абсолютного доминирования в исторической науке Республики Молдова автохтонной модели исторического развития населения региона.

Что же касается периода наиболее острого противостояния представителей континуитета и миграционизма — в 1960—1980 годы, то надо отметить, что жаркие дискуссии проходили в основном в практической области — интерпретации элементов собственно материальной культуры, но из ее аспектов основное внимание в этом плане уделялось керамике и жилищам — и практически никакого веще-

вому материалу. Последний привлекался в интерпретациях не этнокультурного характера, а хронологического определения. Ведь «сжатая» или, наоборот, «растянутая» хронология того или иного керамического комплекса, горизонтов, памятников, культур играла первостепенную роль в доказательстве своей правоты.

Теоретическое обоснование истоков появления континуитета («идеи диахронной этнокультурной непрерывности») представил в конце 1980-х в нескольких работах М.Е. Ткачук (Ткачук 1991: 3—13; 1995: 2—3). Он же показал, как реализовывалась практически эта идея в тогдашних «национальных» археологических школах. По мнению М.Е. Ткачука, «идея континуитета образуется из трех основных компонентов: установки на этническую характеристику древних культур в этнонимах современных народов, представление о непрерывном развитии этноса и соответствующей ему культуры, а также преобладающего использования ретроспективного метода в познании древних культур». И как показал М.Е. Ткачук, в отличие от румынской археологии, в советской молдавской историографии идеи восточнороманского континуитета в значительной мере формировались как реакция на континуитет славянский (Ткачук 1991: 7—8).

К этой же мысли пришел и другой исследователь молдавской историографии, новоизданная книга которого и является целью данной презентации. Но прежде чем обратиться к этой цели, мне хотелось бы упомянуть и о том, как характеризовал обсуждаемую парадигму в историографии 1970—1980-х годов и автор данной презентации.

В диссертации, защищенной в 1997 году (Рабинович 1997), были охарактеризованы оба направления. Мы отмечали, что видеть основное содержание историографической парадигмы в противоборстве («румынскому автохтонизму» противостоит «славянский миграционизм») можно, но только в первом приближении, и что это было бы явным и, главное, ошибочным упрощением.

Направление, которое противостояло автохтонизму, можно назвать «миграционным» только с большой долей условности. Различия в принципиальных взглядах состояли в следующем.

Сторонники автохтонизма утверждали: Пруто-Днестровские земли с глубокой древности непрерывно заселены одним и тем же фракийским населением, в определенное время подвергнувшись романизации; приход в этот регион иноэтничного (в том чис-

ле и славянского) населения оказался неощутимым по своим главным последствиям для формирования «местного» населения.

Сторонники миграционизма считали: в конце V — начале VI в. заселение славянами — носителями древностей типа Корчак и Пеньковка, пустующих после гуннского погрома Карпато-Днестровских земель, и непрерывное стабильное (несмотря на приход/проход многочисленных полукочевых и кочевых групп) развитие «местного» восточнославянского населения вплоть до середины XIII века (завоевания монголов). За это время местное население сменило ряд культур. Пеньковка и Корчак сменились древностями типа Луки-Райковецкой, которые эволюционно, без каких-либо дополнительных «этнических добавок», переросли в древнерусскую культуру типа Екимавцы-Алчедар и типа Петруха и Ханска-Рэдукэнь. Появление волохов отнесено к периоду не ранее XII—XIII в.²

Итак, мы увидели, что взгляды сторонников обоих направлений довольно близки. Кардинально различие лишь в определении «главного этноса» в регионе и хронологическое определение периода «непрерывного и стабильного развития» этого этноса, на которое так никто серьезно из прибывавших за это время в регион и не повлиял. Сторонники обоих направлений, благодаря определенной типологической близости взглядов на культурные процессы, происходившие в регионе, весьма удачно, как две половинки одного яблока, подогнали друг к другу.

Со временем эта типологическая близость, несмотря на одновременно все более нарастающую напряженность между сторонниками этих направлений, усиливалась. Если исследователь раннеславянских древностей 70-х гг. И.А. Рафалович допускал мнение о наличии на рубеже VII—VIII вв. новой волны заселения, принесшей древности типа Луки-Райковецкой (Быря, Рафалович 1983: 85—86) в Карпато-Днестровские земли, то последующий исследователь этих древностей Н.П. Тельнов в 80—90-е годы это положение отвергал и считал, что развитие культу-

ры VIII—X вв. происходило только на основании местных древностей VI—VII вв. (Тельнов 1990: 17; 2001—2002: 250—251).

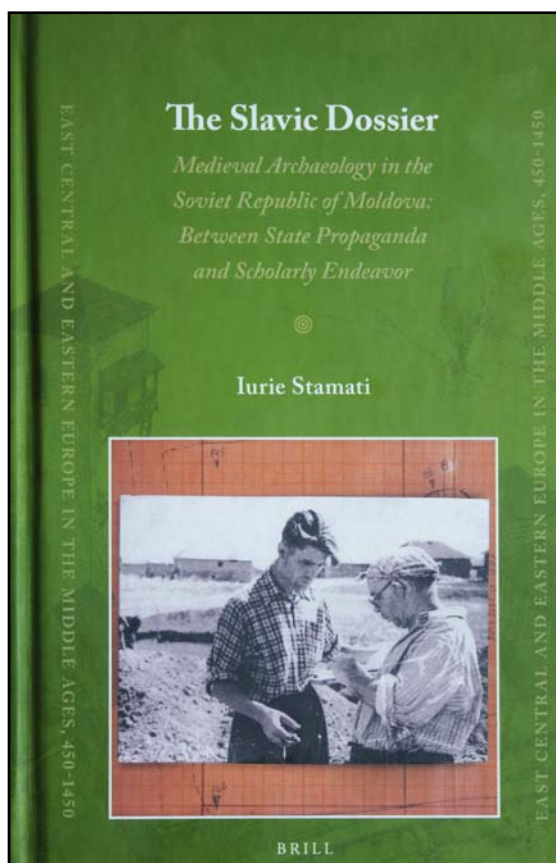
Близость обоих направлений проявилась и в стремлении рассмотреть культуру своего региона изнутри, в его границах, и поэтому вне контекста существовавшей системы культурных связей окружающих территорий. В этой ситуации сторонниками континуитета выступали не только его апологеты, но и его противники, так как они фактически выступают за непрерывное и фактически никем не нарушаемое развитие населения, пришедшего в Карпато-Днестровские земли еще в конце V в.³

Рассмотрение не только «автохтонистами», но и «миграционистами» исследуемого региона изнутри, вне контекста существовавшей системы культурных связей, было непродуктивно, поскольку ими не учитывалась специфика географического положения Карпато-Днестровских земель и обусловленная этой спецификой «вечная» периферийность этого района по отношению к разным культурным мирам — источникам культурных влияний для Карпато-Поднестровья (Gukin, Manzura, Rabinovici, Tkaciuk 1995; Ткачук 2015: 111—127; Рабинович 2018: 466—468).

Явно инородные элементы в культурах молдавского Поднестровья воспринимались сторонниками обоих направлений как некие культурные влияния «со стороны» с отведением этим влияниям незначительной (не существенной для культур региона) или даже вообще никак не определенной роли. Как, например, отмеченные Г.Б. Федоровым западнославянские влияния и элементы в древнерусской культуре Поднестровья, или салтовские черты, отмеченные И.Г. Хынку для памятников центральной лесостепной части

² Показательно, что Г.Б. Федоров, П.П. Быря и другие «миграционисты» таковыми выступали применительно к территории Пруто-Днестровья, когда говорили о приходе уже сформировавшихся в этническом отношении волохов в Пруто-Днестровские земли в XIII—XIV веках. Но когда касались вопроса о процессе происхождении восточнороманских волохов в целом, то становились последовательными сторонниками карпатской автохтонной теории происхождения волохов, даже творчески ее развивая, — то есть автохтонистами в территориальных рамках Карпато-Дунайских земель (Федоров 1999; Быря 1965).

³ В этой связи весьма любопытна критика Г.Б. Федорова И.И. Ляпушкиным. Г.Б. Федоров, публикуя часть материалов из раскопок городищ Екимавцы и Алчедар, отнес лепную и раннегончарную керамику (которая составляет меньше 2% в общем керамическом комплексе с этих поселений) к слоям VI—IX века. И.И. Ляпушкин достаточно аргументировано показал, что на этих поселениях не существует никаких материалов, которые датировали бы их древнее конца IX века (Ляпушкин 1968: 30, 34). То есть налицо тот факт, что эти памятники не возникли на подстилающем более раннем горизонте типа Луки-Райковецкой, не говоря уже о более раннем периоде VI—VII вв. Возможно, стремление Г.Б. Федорова удревить более чем на три столетия существование этих поселений связано с желанием показать непрерывность их развития с VI—VII вв. и генетическую эволюционную связь с самыми ранними славянскими древностями в регионе. Как тут не вспомнить ставшее уже крылатым выражение А.П. Городенко: «Миграционизм — это континуитет на колесах».

Молдовы. А ведь только благодаря вписыванию в культурный контекст окружающих территорий многие культурные явления в Карпато-Поднестровье могут получить свое объяснение, а в некоторых случаях только благодаря этому могут быть вообще выявлены.

Собственно, уникальное положение территории Молдовы — периферийное по отношению сразу ко всем соседним культурным мирам, не только в эпоху средневековья, но и поныне, и привело, на наш взгляд, к уникальной историографической ситуации, выразившейся, с одной стороны, в появлении и противопоставлении автохтонизма и миграционизма, а с другой, в их типологической близости.

Именно поэтому можно только приветствовать появление книги, целью которой является аналитически отразить и выявить истоки и мотивы идеологической борьбы, возникшей в процессе развития региональной археологической науки, разобраться в парадоксальной историографической ситуации, сложившейся в средневековой археологии Советской Молдавии.

Опубликованная в январе этого года, книга историка молдавского происхождения Юрия Стамати «Славянское досье. Средневековая археология в Советской Молдавской Республике: между государственной пропагандой и научными устремлениями» (310 страниц),

представляет собой переработанную и дополненную версию его докторской диссертации, защищённой в августе 2015 года на Факультете исторических наук Университета Лавалля (Канада). По словам самого автора, главная цель книги — «понять причины, которые привели к появлению в молдавской археологии советского периода двух разных дискурсов о месте древних славян в истории территории Молдавской ССР, и их роль в генезисе молдаван и их культуры» (Stamati 2019: 242).

По словам Ю. Стамати, сторонники первого дискурса⁴ считали, что на протяжении почти всего средневековья славянские племена составляли основное, если не единственное население территории МССР. Согласно им, эти племена сыграли очень важную роль в возникновении молдавской народности и ее культуры. Проживание на одной и той же территории, и в конечном счёте, слияние славян с волохами, которые, по их мнению, появились в этом регионе где-то в XIII или XIV веках, и породили молдавский этнос и его культуру. Этот дискурс доминировал в историографическом поле Советской Молдавии после Второй мировой войны, особенно в 1950—1980 гг. Согласно Ю. Стамати, главным инициатором этого дискурса был московский археолог Георгий Федоров (1917—1992).

⁴ При всей многозначности и современной широте использования термина «дискурс» мне представляется, что применительно к историографии археологической науки Советской Молдавии его использование не наиболее точно, особенно учитывая, что в классической философии дискурсивное мышление, развертывающееся в последовательности понятий или суждений, как раз противопоставляется интуитивному мышлению, сразу схватывающему целое независимо и вне всякого последовательного развертывания логических доказательств. Этнокультурные интерпретации средневековых древностей на территории Молдовы, не имеющих «этнического паспорта», зачастую выглядящие вкусовыми, в большей мере тяготеют к сфере интуитивного мышления и даже иногда в работах некоторых исследователей напоминают своеобразный «символ веры», а не строгую логическую систему не то что даже бесспорных, а вообще последовательных непротиворечивых доказательств. На наш взгляд, более точным было бы использование термина «направление». С другой стороны, понятно, что в диссертации, подготовленной и защищаемой во франкоязычном университете в Квебеке (Канада), применение термина «дискурс» близко к соответствующему пониманию во французской философии постмодернизма и постструктурализма, как характеристике особого духовного настроения и идеологических ориентаций, обладающих связанностью и погруженностью в социально-культурные, социально-психологические и другие контексты. Поэтому в презентации данной книги мы будем следовать за автором, строго придерживаясь и этого термина, и всей используемой им терминологии.

Автор второго дискурса, бывший ученик Г.Б. Фёдорова, молдавский археолог Ион Хынку (1931—2003), по мнению Ю. Стамати, был согласен с тем, что славяне участвовали в формировании молдавской народности и её культуры, но, в отличие от своего бывшего учителя и его последователей (большинство из которых тоже были его учениками), попытался опровергнуть идею, что эти племена были основной этнической группой, населявшей в эпоху средневековья территорию МССР. Согласно И.Г. Хынку, основным населением МССР в эту эпоху были, скорее всего, волохи, которые не являлись пришельцами, а наоборот, *автохтонным* населением. Этому дискурсу не было суждено быть принятым в официальной историографии. Появившись в конце 50-х гг., он был раскритикован в 1977 г. и практически исчезает из историографического поля Советской Молдавии, чтобы снова появиться в конце 80-х гг.

Ю. Стамати отмечает, что уже с конца 80-х гг. XX века некоторые авторы попытались дать отдельные объяснения двум дискурсам. В целом, первый дискурс рассматривался как «результат накопления фактов в контексте объективного археологического исследования» или же как исходящий «из панславистской идеологии» и «используемый для оправдания присутствия территории МССР внутри границ СССР». Второй дискурс рассматривался главным образом как «результат новой политической директивы, изданной высшими инстанциями Партии», или же как личное стремление Иона Хынку «раскрыть правду о древней истории МССР» (Stamatî 2019: 2—3).

Ю. Стамати считает эти объяснения частичными или совсем неудовлетворительными. Чтобы понять причины появления этих двух дискурсов, он оперирует некоторыми идеями, изложенными в работах отдельных археологов, культурных антропологов или социологов. Так, по словам Ю. Стамати, некоторые суждения петербургского археолога и культурного антрополога Льва Клейна по поводу, «была ли советская археология простым идеологическим инструментом?», вдохновили его в своем исследовании. Речь идёт об уже ставшем «классикой жанра» клейновском «*Феномене советской археологии*». Учитывая особую важность для исследования автора, приведем отрывок из книги Ю. Стамати, где он пишет об этих суждениях: «Клейн показывает, что в Советском Союзе археология часто была связана с государственной пропагандой, но [...] он не считает, что эта дисциплина была простым идеоло-

гическим инструментом. [...] Клейн отмечает, что советский археологический товар [т.е. «археологические знания, гипотезы, теории, открытия»] также несет отпечаток его производителей, то есть археологов. Выбор в пользу определенного теоретического подхода или способа интерпретации археологического материала часто определялся, согласно Клейну, личностью археологов, их личной историей, их образованием, их опытом, приобретенным в разных социальных и семейных традициях или контекстах. [...] Несмотря на общеизвестную централизацию СССР, хотя партийным шефам нравилось думать, что они полностью контролируют историографию, согласно Клейну, это не совсем было так. [Клейн] пишет даже об оппозиционной тенденции археологов по отношению к официальным директивам. По его словам, советские археологи часто из-за конкуренции между различными академическими учреждениями, чрезмерной бюрократизации цензуры и отсутствия бдительности или даже компетентности со стороны цензоров могли публиковать потенциально нежелательные в идеологическом отношении произведения. Согласно Клейну, конкуренция между археологами также сделала возможным публикации таких работ» (Stamatî 2019: 11—12).

О конкуренции между исследователями, а также о том, что «научный товар», т.е. «научные знания, гипотезы, теории, изобретения или открытия» носят отпечаток личностей учёных, пишет и французский социолог Пьер Бурдьё. Эти суждения П. Бурдьё, а также его понятие о «поле науки», наряду с идеями, изложенными Клейном в своём «*Феномене*», были использованы Ю. Стамати в качестве теоретической и методологической основы его исследования. Другие авторы, к суждениям которых автор настоящей книги внимательно прислушался, это канадский археолог Брюс Триггер и швейцарский археолог Марк-Антуан Кейзер (Stamatî 2019: 12—16).

Как отмечает Ю. Стамати, «следуя по пути, указанному» вышеупомянутыми авторами, он «анализировал социально-политические и культурные контексты, в которых возникли эти два дискурса, [...] историю молдавской археологии, личности археологов, [...] их формирование, их теоретические и идеологические взгляды, их место в молдавском археологическом поле, их отношения и взаимоотношения внутри и за пределами этого поля» (Stamatî 2019: 12—16).

В качестве источников автор использовал публикации, письменные и устные свидетельства молдавских археологов и историков,

а также архивные документы. Следует отметить, что используемые автором архивные документы до сих пор не публиковались.

Книга Ю. Стамати, помимо введения, в котором он пишет о теоретической и методологической основах своего исследования, а также делает небольшой экскурс в историю Молдавской ССР, состоит из трех глав и заключения.

В первой главе, «Рождение парадигмы: молдавская археология и славянская проблематика» [*The Birth of a Paradigm: Moldavan Archaeology and the Slavic Problem*], он обсуждает процесс институционализации молдавской советской археологии, рассказывает об ее особенностях, о теоретических и методологических основах, которыми руководствовались молдавские археологи (и не только они), изучавшие славянскую проблематику. В этой же главе читатель узнает, когда, как и кем проводились первые археологические изыскания славян на данной территории.

Во второй главе, «Георгий Федоров и становление славянской археологии в МССР» [*Georgii Fedorov and the Building of Slavic Archaeology in the MSSR*], автор проанализировал личность, деятельность (внутри и за пределами археологического поля), а также научную позицию главного автора первого дискурса — московского археолога Георгия Федорова. Читатель узнает о его научной траектории начиная со времени учебы в университете. Здесь же читатель познакомится не только с археологом, но и с интеллектуалом, писателем Фёдоровым, с его отношением к русскому национализму и панславизму, с его нонконформизмом и антисталинизмом, о которых хорошо знали в советских диссидентских кругах. Вместе с тем, утверждает Ю. Стамати, в его археологических работах четко прослеживается «дань времени». Хотя, уверяет автор, «Утверждать, как это делают некоторые современные молдавские исследователи, что взгляды Федорова являются “чистыми фальсификациями молдавской археологической реальности”, сделанными с единственной целью — оправдать советскую аннексию Бессарабии, значит быть очень далеким от реальности, в которой интеллектуал и археолог Федоров жил» (Stamati 2019: 147).

Третья глава, «Автохтонность молдаван, сингулярная точка зрения» [*The Indigenous Character of the Moldovans, a Singular View*], посвящена второму дискурсу. Начинается она с обзора румынской археологии после Второй мировой войны, когда Румыния вошла в сферу влияния СССР. Читатель узнает про реин-

ституционализацию румынской археологии, про политический или идеологический контекст, в котором румынские археологи начали изучать славянскую проблематику, а также про их связи с советскими археологами, особенно с их коллегами из Молдавской ССР. Интерес автора к этим вопросам определяется тем фактом, что в публикациях некоторых молдавских археологов прослеживается влияние румынской археологической литературы, а также потому что, по словам Ю. Стамати, официальная позиция молдавской советской археологии 1960—1980 годов (молдавской советской историографии в целом) во многом определялась идеологическими пререканиями, которые имели место начиная с 60-х годов XX века между Социалистической Республикой Румыния и Советским Союзом. Проанализировав точку зрения официальной молдавской историографии, прежде всего археологии, 1960—1980 годов, автор заключает: «позиции молдавских археологов не могут быть полностью объяснены идеологической борьбой между советской и румынской историографиями. Личные отношения между археологами, а также методология, которую они использовали, также были важными факторами [которые предопределили их точки зрения]» (Stamati 1991: 240).

Последняя часть главы была посвящена собственно точке зрения автора второго дискурса, Иона Хынку. Ю. Стамати отмечает, что и в случае этого археолога методология, которую он использовал, может объяснить его точку зрения, но только частично. Хотя, по утверждениям Ю. Стамати, И.Г. Хынку не был «пламенным националистом», всё-таки «национальная парадигма повлияла на его научную деятельность, определив, в частности, его настойчивость в демонстрации автохтонности [волохов]», то есть тех, которых в советской историографии (Хынку в том числе) считали непосредственными предками молдаван (Stamati 2019: 215—217, 241).

По поводу того, что второй дискурс мог быть результатом «новой политической директивы, изданной высшими инстанциями Партии», автор книги пишет: хотя И.Г. Хынку был поддержан двумя высокопоставленными аппаратчиками Академии наук МССР — это вице-президент АН МССР Артем Лазарев и директор Института истории АН МССР Борис Визер, — «его желание продемонстрировать, что молдаване были коренным населением МССР, не являлось результатом какой-либо директивы, полу-

ченной от них. Хынку был одержим этим желанием задолго до того, как эти два аппарата взяли его под свои крылья» (Stamatii 2019: 241).

В этой же части книги Ю. Стаматии попытался понять, почему точка зрения И. Г. Хынку не была принята официальной молдавской советской историографией. В его суждениях по этому вопросу хорошо рассматривается воздействие тех авторов, идеи которых составляют теоретическую и методологическую основу его исследования. Среди данных объяснений это личные истории коллег И. Г. Хынку, это и конкуренция между ними (Stamatii 2019: 224—231).

Конечно, читатели сами составят свое мнение об объективности, убедительности и полноте аргументов, представленных автором. Но что можно с уверенностью сказать уже сейчас, так это то, что книга Юрия Стаматии не имеет шансов остаться незамеченной. И потому, что она затрагивает некоторые болезненные вопросы, которые еще разделяют молдавских археологов и историков. И потому, что используемая методология может служить примером в изучении других националь-

ных археологических школ постсоветского пространства, да и не только.

Безусловно, книга Ю. Стаматии вызовет неравнодушную, в некоторых случаях даже яростную реакцию со стороны представителей обоих направлений в молдавской историографии. Уверен, и те, и другие найдут немало спорных и противоречивых суждений как в представлении той или иной ситуации, так и в ее объяснении. Со Стаматии можно и, конечно же, нужно спорить. Но при всех ее возможных недостатках у этой книги есть одно неоспоримое достоинство: ее автор сделал попытку «стать над схваткой» (подобно знаменитому «Au-dessus de la mêlée» Романа Роллана в период Первой мировой войны), не вступая в историографическую борьбу на стороне ни одного из направлений. А это значит, что у молдавской археологии есть шанс выбраться из тупика бесперспективного, давно не актуального, потому как во многом надуманного противоборства, и выйти на магистраль действительно научного обсуждения уникальных исследовательских проблем, которые рождает уникальный культурно-исторический мир Молдова.

Литература

- Бырня П. П. 1965. Северо-западный путь заселения территории Молдавии восточнороманским населением. *КСИА* 105, 68—74.
- Бырня П. П., Рафалович И. А. 1983. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель в конце I — начале II тысячелетия н. э. В: Зеленчук В. С. (отв. ред.). *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Кишинев: Штиинца, 79—98.
- Ляпушкин И. И. 1968. *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.)*. Историко-археологические очерки. МИА СССР 152. Ленинград: Наука.
- Рабинович Р. А. 1997. *Карпато-Днестровские земли во второй половине IX — первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Рабинович Р. А. 2017. Г. Б. Федоров и его научное наследие. К столетию со дня рождения. *Revista Arheologică, Serie nouă* XIII (1—2), 300—304.
- Рабинович Р. А. 2018. Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв. В: Синика В. С., Рабинович Р. А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Библиотека Stratum. Кишинев: ВАШ; Тирасполь: ПГУ, 465—482.
- Тельнов Н. П. 1990. *Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Тельнов Н. П. 2001—2002. Восточнославянские древности VIII—X вв. Днестровско-Прутского междуречья. *Stratum plus* (5), 142—263.
- Ткачук М. Е. 1991. Континуитет и стадильность: Некоторые альтернативы идее этнокультурной непрерывности. В: Бырня П. П. (отв. ред.). *Древности Юго-Запада СССР (I — середина II тысячелетия н. э.)*. Кишинев: Штиинца, 3—22.
- Ткачук М. Е. 1995. *Гетика. Культурогенез и культурная трансформация в Карпато-Дунайских землях в VI—II вв. до н. э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Ткачук М. Е. 1999. Георгий Борисович Федоров (1917—1992). *Stratum plus* (5), 7—13.
- Ткачук М. Е. 2015. *Грядущее прошлое. Три эссе о рождении, гибели и надежде. Антропологическая проза*. Кишинев: Stratum plus.
- Федоров Г. Б. 1999. Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект). *Stratum plus* (5), 14—74.
- Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. 1995. Nonarchaeological theory and problem of cultural Heritage. *World Archaeological Bulletin* 8, 9—18.
- Stamatii Iu. 2019. *The Slavic Dossier, Medieval Archaeology in the Soviet Republic of Moldova: Between State Propaganda and Scholarly Endeavor*. Serie: East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450, 53. Leiden; Boston: Brill.

References

- Bîrnea, P.P. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 105, 68—74 (in Russian).
- Bîrnea, P.P., Rafalovich, I.A. 1983. In Zelenchuk, V.S. (ed.). *Slaviano-moldavskie sviazi i rannie etapy etnicheskoi istorii moldavan* (Slavic-Moldovan Relations and Early Stages of Ethnic History of Moldovans). Kishinev: “Știința” Publ., 79—98 (in Russian).
- Liapushkin, I.I. 1968. *Slaviane Vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva* (VIII — pervaiia polovina IX v.). *Istoriko-arkheologicheskie ocherki* (Slavs of Eastern Europe Before the Formation of Ancient Russian State: 8th — First Half of 9th Centuries. Historical and Archaeological Essays). Series: Materialy i issledovaniia po arheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 152. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Rabinovici, R.A. 1997. *Karpato-Dnestrovskie zemli vo vtoroi polovine IX — pervoi polovine XIII vv. (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* (The Territory between Carpathians and Dniester in Second Half of 9th — First Half of 13th Centuries: Historical and Archaeological Study). PhD Diss. Saint Petersburg (in Russian).
- Rabinovici, R.A. 2017. In *Revista Arheologică, Serie nouă XIII* (1—2), 300—304 (in Russian).
- Rabinovici, R.A. 2018. In Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy. Sbornik statei v chest’ 70-letia N.P. Tel’nova* (Antiquities. Studies. Issues. Essays in Honour of Nicolai Telnov on the Occasion of His 70th Birthday). Series: Stratum Library. Kishinev; Tiraspol: “Stratum Plus” Publ., 465—482 (in Russian).
- Telnov, N.P. 1990. *Vostochnoslavianskie drevnosti Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech’ia VIII—X vv. (Eastern Slavic Antiquities in the Dniester-Prut Interfluvium, 8th—10th Centuries)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
- Telnov, N.P. 2001—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 142—263 (in Russian).
- Tkachuk, M.E. 1991. In Bîrnea, P.P. (ed.). *Drevnosti Iugo-zapada SSSR (I — seredina II tysiacheletia n.e.)* (Antiquities of South-West of the USSR: I — Mid-II Millennium AD). Kishinev: “Știința” Publ., 3—22 (in Russian).
- Tkachuk, M.E. 1995. *Getika. Kulturogenез i kulturnaia transformatsiia v Karpato-Dunaiskikh zemliakh v VI—II vv. do n.e. (Getica. Cultural Genesis and Cultural Transformation in the Carpathian-Danubian Lands in 6th—2nd Centuries BC)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
- Tkachuk, M.E. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 7—13 (in Russian).
- Tkachuk, M.E. 2015. *Griadushchee proshloe. Tri esse o rozhdenii, gibeli i nadezhde. Antropologicheskaiia proza* (The Coming Past. Three Essays on Birth, Death and Hope. Anthropological Prose). Kishinev: Stratum plus (in Russian).
- Fedorov, G.B. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 14—74 (in Russian).
- Gukin, V., Manzura, I., Rabinovich, R., Tkaciuk, M. 1995. Non-archaeological theory and problem of cultural Heritage. *World Archaeological Bulletin* 8, 9—18.
- Stamati, Iu. 2019. *The Slavic Dossier, Medieval Archaeology in the Soviet Republic of Moldova: Between State Propaganda and Scholarly Endeavor*. Series: East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450, 53. Leiden; Boston: Brill.

Статья поступила в номер 23 сентября 2019 г.

Roman Rabinovich (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Roman Rabinovich (Chișinău, Moldova). Doctor în istorie. Universitatea „Școala Antropologică Superioară”.

Рабинович Роман Аронович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: romanescu@mail.ru

Address: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova

Список сокращений

ААЭ ГЭ	— Архитектурно-археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа.
ААЭ ИА НАНУ	— Архитектурно-археологическая экспедиция Института археологии Национальной Академии наук Украины.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АВЕС	— Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
АГПУ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АДУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АлГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН	— Академия наук.
АН РМ	— Академия наук Республики Молдова. Кишинёв.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академія наук Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АОИЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург.
АРРСЗО	— Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЗАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
АЮЗР	— Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев.
Б.С.	— Балтийская система высот.
БАН	— Болгарская Академия наук = Българската Академия на науките. София.
БГПИ	— Брянский государственный педагогический институт им. акад. И.Г. Петровского. Брянск.
БГУ	— Брянский государственный университет. Брянск.
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАШ	— Университет «Высшая антропологическая школа». Кишинёв.
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАГУ	— Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГАИГИ	— Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований. Горно-Алтайск.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры. Ленинград.
ГАНИИИЯЛ	— Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Горно-Алтайск.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение Российской Академии наук. Владивосток.
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДРВМ	— Древняя Русь: вопросы медиевистики. Москва.
ДСПК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕГУ	— Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец.

ЗООА	— Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук УССР. Киев.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИБ НАНУ	— Институт востоковедения им. А.Ю. Крымского Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИБ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории Российской Академии наук. Москва.
ИИ АН БССР	— Институт истории Академии наук Белорусской ССР. Минск.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Ленинград / Санкт-Петербург.
ИНИОН АН СССР / РАН	— Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР / Российской Академии наук. Москва.
ИРАИК	— Известия Русского Археологического института в Константинополе. Одесса.
ИРАО	— Императорское Русское археологическое общество. Санкт-Петербург.
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный политехнический университет. Иркутск.
ИА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ПУ НАНУ	— Інститут історії України Національної Академії наук України. Київ.
ІР НБУ	— Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського. Київ.
КГПИ	— Кемеровский государственный педагогический институт. Кемерово.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Красноярск.
КУАК	— Курская губернская ученая архивная комиссия. Курск.
КемГУ	— Кемеровский государственный университет. Кемерово.
КНИИИФЭ	— Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики. Элиста.
КРО	— Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы в 2 т. Москва.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва; Ленинград.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КузГТУ	— Кузбасский государственный технический университет. Кемерово.
ЛВВИСУ	— Ленинградское высшее военное инженерно-строительное училище. Ленинград.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Москва.
МАР	— Материалы по археологии России. Москва; Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва.
МИА / МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МИАЮР	— Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов-на-Дону.
МИКВАЭ	— Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск.
МКСА	— Международный конгресс славянской археологии.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИАК РАН	— Научный архив Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Великий Новгород.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НЗСК	— Национальный заповедник «София Киевская». Киев.
НИУ ВШЭ	— Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород; Пермь.
НМИУ	— Национальный музей истории Украины. Киев.
ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
ННРУ	— Новгородское научно-реставрационное управление. Великий Новгород.

№5. 2019

НовГУ	— Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород.
НТШ	— Наукове товариство ім. Т. Г. Шевченка. Львів.
ОАК / ОИАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПГТУ	— Пятигорский государственный технологический университет. Пятигорск.
ПГУ	— Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь.
ПДУ	— Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт. Наваполацк.
ПОМЗ	— Псковский областной музей-заповедник. Псков.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РО НА ИИМК РАН	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
РСМ	— Раннеславянский мир. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
САИПИ	— Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово.
СВНЦ ДВО РАН	— Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Магадан.
СКФУ	— Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук. Новосибирск.
СОИГИ	— Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. Владикавказ.
СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО	— Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра Российской Академии наук и Республики Северная Осетия. Владикавказ.
СПбАЭ	— Санкт-Петербургская археологическая экспедиция.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбГУПТД	— Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. Санкт-Петербург.
СПб ИИ РАН	— Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
СЭ	— Советская этнография. Москва; Ленинград.
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТГУ / ТомГУ	— Томский государственный университет. Томск.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР / Российской Академии наук. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТюмГУ	— Тюменский государственный университет. Тюмень.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УДИИЯЛ	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск/Екатеринбург.
УО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
УТОПК	— Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФО НА ИИМК РАН	— Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Ленинград/Санкт-Петербург.
ХГАК	— Харьковская государственная академия культуры. Харьков.
ХГУ	— Харьковский государственный университет им. А. М. Горького. Харьков.
ХНУ	— Харьковский национальный университет. Харьков.
ЦЕИ РАН	— Центр египтологических исследований Российской Академии наук. Москва.
ЦП НАНУ	— Центр памятникостроения Национальной Академии наук Украины. Киев.
ЦП НАНУ і УТОПК	— Центр пам'яткознавства Национальной Академии наук України і Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЧГКМ	— Челябинский городской краеведческий музей. Челябинск.
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЭСПИ	— Энциклопедия Слова о полку Игореве. Санкт-Петербург.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AAE IA NASU	— Architectural and archaeological expedition of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.
AAE SH	— Architectural and archaeological expedition of the State Hermitage.
ААН	— Acta Archaeologica Hungarica. Budapest.
АСНСByz	— Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. Paris.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. London; Oxford.
CFHB	— Corpus fontium historiae Byzantinae. Athens; Berlin; Brussels et al.

CSHB	— Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn.
EA	— Estonian Archaeology. Tartu.
HOMÉ	— A Hermann Otto Muzeum Evkonyve. Miskolc.
IHMC RAS	— Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg.
KVHAA	— Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Stockholm.
MCA	— Materiale și cercetări arheologice. București.
MFME	— A Móra Ferenc Múzeum Evkonyve. Szeged.
MFME-StudArch	— A Móra Ferenc Muzeum Evkonyve — Studia Archaeologica. Szeged.
MPH	— Monumenta Poloniae Historica. Lwów; Kraków.
MPH NS	— Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. Warszawa; Kraków.
PAN	— Polska Akademia nauk. Warszawa.
PU SA IHMC RAS	— Photo Unit of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg.
PVL	— Pověst Vremennych lët.
SKAS	— Suomen keskiajan arkeologian seura = Medieval Archaeological Society of Finland.
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.
SPÖG	— Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg.
StCom	— Studia Comitatus. Budapest.
SP/Stratum plus	— Stratum plus. Археология и культурная антропология = Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест.
TATÜ	— Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused.
TRAIRO	— I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente. Roma; Mosca.
UAW	— Ungarische Akademie der Wissenschaften. Budapest.